

комъ. Спасъ его Толстой. Пощадишь онъ даже судебного слѣдователя Махина, который черезъ Лизу Еропкину началъ понимать чуждый ему раньше міръ духовныхъ стремленій. Сіяетъ, все больше сіяетъ человѣческій нимбъ. Внутреннее торжествуетъ надъ внѣшнимъ. На Кухонную улицу пошелъ къ своей дочери „бѣло-сѣдой“ князь — и умилился передъ нею, и заплакалъ, и попросилъ у нея прощенія: „онъ радъ былъ тому, что виноватъ, что ему нечего прощать, а самому нужно прощеніе“. Такъ происходитъ эта благая перестановка душевныхъ силъ, преображеніе человѣческое. Незаконченный „Отецъ Василій“ и „Ходынка“, помимо художественности и дорогой простоты, которыя запечатлѣваютъ ихъ ярко и сильно, чаруютъ еще тѣмъ, что толстовское оправданіе человѣка, вѣра въ человѣка, принимаютъ здѣсь особенно сердечный и прекрасный характеръ. Идеальными и въ то же время правдоподобными чертами написанъ образъ отца Василя, который, „не думая о послѣдствіяхъ“ (о гнѣвѣ жены), отдалъ бѣдной старухѣ послѣдній полтинникъ и который вообще такъ ласкаетъ душу всѣмъ своимъ обликомъ. Въ 1906 г. написанъ этотъ отрывокъ, — когда Толстой уже къ священникамъ не благоволилъ; но благостный Василій Можайскій, который сталъ „отцомъ Василюмъ, сначала съ короткими, а потомъ съ длинными волосами“, — онъ нашель въ Толстомъ ту художественную объективность, ту правду эстетической интуиціи, передъ которыми